

Андрей Платонов

Штурм лабиринта

ФТМ

Андрей Платонов

Штурм лабиринта

«ФТМ»

1945

Платонов А. П.

Штурм лабиринта / А. П. Платонов — «ФТМ», 1945

«— Ты не спеши, Алексей Алексеевич, но побей их основательно, — сказал на прощанье генерал полковнику Бакланову. — Однако и не задерживайся здесь, а то мы далеко уйдем, не догонишь. Генерал уехал вперед; полковник остался один возле своего блиндажа, устроенного в ягоднике, в окрестности старого немецкого городка. В этом городе остался немецкий гарнизон, снабженный мощными средствами огня и большим запасом продовольствия и боеприпасов. Немецкому гарнизону был дан приказ держаться здесь без срока, хоть до конца света, пока не прибудет к нему помощь. Полк Бакланова с приданным ему усилением — батальоном тяжелой штурмовой пехоты, батальоном резерва и артиллерией всех калибров, в том числе и самоходной, — оставлен был на месте, чтобы блокировать этот немецкий городок и взять его, тогда как наши главные силы ушли вперед преследовать противника...»

© Платонов А. П., 1945

© ФТМ, 1945

Андрей Платонов

Штурм лабиринта

– Ты не спеши, Алексей Алексеевич, но побей их основательно, – сказал на прощанье генерал полковнику Бакланову. – Однако и не задерживайся здесь, а то мы далеко уйдем, не догонишь.

Генерал уехал вперед; полковник остался один возле своего блиндажа, устроенного в ягоднике, в окрестности старого немецкого городка. В этом городе остался немецкий гарнизон, снабженный мощными средствами огня и большим запасом продовольствия и боеприпасов. Немецкому гарнизону был дан приказ держаться здесь без срока, хоть до конца света, пока не придет к нему помощь. Полк Бакланова с приданным ему усилением – батальоном тяжелой штурмовой пехоты, батальоном резерва и артиллерией всех калибров, в том числе и самоходной, – оставлен был на месте, чтобы блокировать этот немецкий городок и взять его, тогда как наши главные силы ушли вперед преследовать противника.

Было раннее утро. Бакланов посмотрел в чужое пространство, на город, на дома, тесно умещенные на земле, поднимающиеся по холму к центральной площади; в центре города еще уцелели две готические башни, и к ним была подвешена на траверзах электрическая высоковольтная магистраль. «Вкуса у них нет, – подумал Бакланов, – и скучно нам здесь».

Тоска по родине мучила теперь Бакланова. Он любил русские избы, считая их самым лучшим, самым человечным архитектурным произведением; он любил плетни, полевые дороги во ржи, закаты солнца за далеким горизонтом в Орловской степи, он любил видеть женщин-крестьянок, стоящих за штурвалом комбайна, и ему нравился шум ветра в березовых рощах Подмосковья; он вспоминал теперь с грустной улыбкой и деловых сельских воробьев, и белых бабочек над желтыми цветами лишь потому, что все это существовало в России... Здесь, в Германии, был иным и вид природы, и унылый порядок жилищ, аккуратных до бездушности, и сама земля здесь пахла не теплом жизни, но какой-то химией мертвых веществ.

Полковник услышал, как в его блиндаже позвонил телефон и ординарец Елисей Копцов сказал в трубку:

– Алло, «Земля» слушает.

Полковник пошел в блиндаж, там его ожидала работа; система укреплений противника в осажденном городе была ему неясна, о ней были известны лишь общие сведения по опыту истекших боев. Но Бакланов, как любой советский офицер, знал, что он имеет перед собой изобретательного, трудолюбивого противника, творящего в отчаянном сопротивлении разнообразные системы обороны, и без достаточного изучения и разведки укреплений врага нельзя штурмовать город, чтобы не проливать в слепоте напрасно крови своих войск.

Эта неизвестность общего инженерного и тактического принципа, по которому была построена вся система обороны немецкого города, тревожила Бакланова.

Артиллерийский начальник сообщил Бакланову, что он еще вчера вечером накрыл точным огнем шесть дотов в южной части города, помещавшихся в приспособленных зданиях, но утром артиллерийская разведка обнаружила, что три из разрушенных дотов снова ожили в руинах домов, а по соседству, в том же районе, возникли еще пять свежих дотов. Противник вел себя здесь как сказочный многоглавый дракон: ему разmozжили огнем шесть голов, а к утру у него отросло восемь. Это было неожиданно и смущало полковника Бакланова, и совесть его мучилась неведением, потому что всякое невежество постыдно.

Он ясно понимал, что вся тайна заключается в той инженерной идее, по которой была сооружена оборонительная система города, но идея-то эта ему была еще неизвестна; однако первоначально победа зарождается именно в истинной разведке тайны противника.

– Что есть четыре? – нараспев, но тихо спросил сам себя ординарец Копцов и ответил: – Четыре есть конечности у живого тела, четыре колеса у телеги спокон века, у круглого года времени четыре...

Алексей Алексеевич прислушался. В блиндаже за бревенчатой перегородкой жил ординарец полковника Елисей Копцов. Когда Елисей имел досуг, он обычно сидел неподвижно и тихим голосом протяжно напевал бесконечное песнопение, служившее ему источником самобразования, развитием ума и утешением. Это была мелодия, подобная звучащему сердцебиению. Алексей Алексеевич уже знал песнопение Елисея и сам иногда в скучные свободные минуты напевал его. Елисей был происхождением из Сибири, и он в свое время доложил полковнику, что песнь эту певали в старинное время в Сибири, а долговечность и прелесть ее состояли в том, что каждый человек мог ее петь по своему смыслу, глядя по душевной надобности, а старое значение песни забыто.

Теперь тоже Елисей успокаивающе произносил нараспев:

– Что есть два?

И сам отвечал себе:

– Два есть семья: боец Елисей да жена его Дарья, Дарья Матвеевна любезная моя.

Потом Елисей продолжал другие куплеты: что есть пять, что есть шесть и так далее – он мог доходить до любого числа, по порядку и враздробь. Алексей Алексеевич спокойно работал над картой под напев Елисея, словно под музыкальный аккомпанемент.

– Что есть один? – провозглашал Елисей.

И держал ответ самому себе:

– Один есть я, боец Копцов, и солнце одно, и в полку один полковой командир.

– Что есть осьмнадцать? Восемь притоков текут в Ангари, десять притоков кормят потоки Шилки-реки. Вот что осьмнадцать – такое число.

– Елисей, а что есть сто? – спросил Алексей Алексеевич.

– Сто есть жизнь, век человека! – провозгласил Елисей. – Сто годов деды наши живали и нам завещали.

В прежний раз Елисей объяснял число «сто» как число роты: сто бойцов и сто человек душ едоков. Он никогда не повторялся и всякий раз определял образ одного и того же числа по-иному. В полку уже получила распространение эта песнь-наука под именем «Слово Елисея».

Бойцы часто в разговоре вдруг спрашивали один другого: что есть тыща или сорок один и даже что есть полтора. Задача заключалась в быстром, правильном и складном ответе, а самый смысл ответа определялся по разуму и усмотрению того, кто отвечал.

Наша артиллерия сразу открыла огонь, сделав несколько залпов, и телефонный зуммер зазвонил на столе полковника.

Начальник артиллерии полковник Кузьмин сказал по проводу о причине огня:

– Я, Алексей Алексеевич, гащу помаленьку доты. Их теперь стало вдруг одиннадцать, а по-моему, их еще больше.

– Что это, Евтихий Павлович? – спросил Бакланов. – Строят они их, что ли, под твоим огнем?

– Построены-то они еще прежде, Алексей Алексеевич, – ответил артиллерист, – но не все еще жить пущены, многие нас молча ожидают. Да не в этом сомнение. Сомнение у меня, Алексей Алексеевич, в том: почему у них и мертвые потом живут. Я накрываю огнем их в прах, – и доты были, и огневые точки, – а они ставят сызнова в развалины новые пушки и опять живут. Откуда у них питание туда идет, по какой трубе?

– Заходи, Евтихий Павлович, мы подумаем, – сказал Бакланов.

Действительно, каким способом немцы производили замену разбитых пушек новыми, питали их боеприпасами, комплектовали свежими расчетами, приспособливали под доты прочные здания или ставили огневые средства в руинах, – как это происходило, если наблю-

дение с земли и с воздуха не обнаруживало никакой деятельности и движения противника на поверхности?

Артиллерийский полковник Кузьмин, войдя в блиндаж, сразу спросил:

– Елисей, что есть сорок и что есть ничто?

– Сорок, товарищ гвардии полковник, есть сумма от сложения ручьев, протоков и речек, что перешел с боем, а также и спокойно, наш полк в прусской земле! – сообщил Елисей.

– Точно! – вспомнил полковник Бакланов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.